

Абсадыков Алмасбек Ахметович,

д. филол. н., профессор,

Бондаренко Юрий Яковлевич,

к. философ. н., профессор,

Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова

г. Костанай, Казахстан

УДК 82.091

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРУДАХ П. ЧААДАЕВА И А. КУНАНБАЕВА (ТВОРЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)

THE SOCIAL-ETHICAL PROBLEMS IN THE WORKS BY P. CHAADAEV AND A. KUNANBAEV (CREATIVE PARALLELS)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности духовного сходства двух исторических личностей П. Чаадаева и А. Кунанбаева. Исследуются реалии, в котором, творили два поэта, которым присущ одновременно и национальный, и исторический колорит. Путем сравнительного анализа русского и казахского культур определяется одна особенность, объединяющая их творчество в патриотической любви к родине.

Ключевые слова: культурный ландшафт; национально-культурная информация; исторический колорит; социальный уклад.

Abstract. The social-ethical problems in the works by P. Chaadaev and A. Kunanbaev (creative parallels).

The article investigates the peculiarities of the spiritual similarities of two historical personalities: P. Chaadaev and A. Kunanbaev. The article describes the realia in which both poets created their works. By comparative analysis of the Russian and Kazakh cultures the specific feature which unites them in their patriotic love to Motherland was pointed out.

Keywords: cultural landscape, national-cultural information, historical colouring, social structure.

П. Чаадаев и А. Кунанбаев никогда не встречались, да и не слышали друг о друге. Их разделяли огромные пространства и целые десятилетия. Чаадаев родился в Москве, в 1794 г., а Кунанбаев – в Семипалатинской области казахской степи, в 1845 г., то есть полвека спустя. Но при всей внешней несхожести их быта и внешних черт биографий обоих объединяло то, что заставляет задуматься и сегодня: боль за собственную отчизну, боль за свой народ и все то, что обоим доводилось видеть в современной им жизни.

Слова «боль за свой народ» выглядят штампованно-стереотипными. Но в данных случаях смысл их очень непрост. Не какие-то внешние по отношению к русским, России и казахам силы рождали эту горечь, эту боль, а размышления об исторических путях и особенностях жизни собственных народов. Оба всем сердцем переживали то, что, на их взгляд, делало собственные народы уязвимыми в сравнении с другими народами.

Казалось бы, «самоедство», язвительная критика «своего» сегодня никого не может удивить. Сколько их, видных фигур культурного ландшафта XX в. – начала XXI веков обличали и по инерции продолжают обличать «преступный режим», «строй» и попутно народ, который, как и все прочие народы, достоин своих правителей. В. Аксенов в одной из довольно популярных передач последних лет даже отчеканил, что Советский Союз был «родиной-сукой».

Но эти фигуры – кто покрупнее, кто помельче, кто поталантливее, кто – наоборот, в немалой мере, образно говоря, кормились собственным критическим амплуа. Причем мировую известность обретали, мечя свои критические стрелы из сравнительно безопасного «далека». Бесспорно, и такого рода критика, такого рода философия и Литература заслуживают своих аналитиков; и все-таки, психологически и по своему духовному стержню она, как представляется, в целом отличается от того, что оставили Чаадаев и Кунанбаев. Их правда – это не обличенья с высоты амвона некой Истины, внешней, по отношению к изучаемому миру, а биение мысли тех, кто волею судеб оказался внутри этого мира и чья боль по своей сути неотделима от болей этого мира.

Более того, эта боль не за себя, не за сородичей, ущемленных, а то и «репрессированных властью». Эта

боль – не узколичного, а социального характера, боль тех, кто уж сам-то, по своему статусу вполне вписывался в столь критически воспринимаемый мир. И в самом деле. П.Я.Чаадаев – из старинного и богатого рода, внук известного русского историка Щербатова. Человек с блестящим образованием и прекрасными карьерными возможностями. Он окончил Московский университет. Служил в лейб-гвардии, пройдя войну с Наполеоном, в ходе которой не раз являл храбростью, отмеченную заслуженными наградами. Как упоминал современник, Чаадаев «со своими репутациями, успехами, знакомствами, умом, красотой, модной обстановкой, библиотекой, значительным участием в масонских ложах, был неоспоримо, положительно и безо всякого сравнения самым видным, самым заметным и самым блистательным из всех молодых людей в Петербурге» [2, с. 5].

И этот человек, в период своего расцвета пишет свои знаменитые «Философические письма», первое из которых породило в образованных верхах российского общества целую бурю и принесло Чаадаеву нелестную славу сумасшедшего. За автором письма было даже установлено врачебное наблюдение.

Абай Кунанбаев тоже представитель казахской знати. Отец его – управитель тобыктинского рода, старший султан уезда. Не удивительно, что с юных лет Абай оказывается в гуще общественной жизни казахов, принимая участие и в разборе сложных дел, и в любимых народом словесных ристалищах. Правда, в личной жизни ему приходится пережить большое горе. Умирают его двое одаренных и уже взрослых сыновей. Удар страшный. Настолько страшный, что смерти младшего великий поэт не выдерживает и вскоре умирает сам. Но, опять-таки, и в лирике Абая, и особенно в его знаменитых «Словах назидания» личная боль не доминирует, а становится частицей боли, горьких переживаний за свой собственный народ.

Думается, что и у горестных размышлений Чаадаева, и у печальных мыслей Абая, при всем различии судеб этих замечательных фигур в русской и казахской культуре, есть и некий общий исторический фон. Фон этот – мощный подъем Запада с его отлаженным и относительно комфортным бытом, с его ритмичными трудовыми буднями, с самими основами общественного устройства и ... миром идей. Чаадаев с этим Западным миром познакомился воочию уж во время заграничных походов русской армии после победы над Наполеоном в войне 1812 г. Как и за тысячи лет до этого, когда спартанцы одолели афинян, а Македонский – персов, побежденные и все те, кто оказался до этого в орбите их влияния, в свою очередь покорили триумфаторов. Более близкое знакомство с жизнью Европы заставляло невольно задуматься над собственной жизнью.

Казахские воины в этих походах практически не участвовали. Напротив, Европа в лице России продвигалась в Казахстан, и, более того, дети знати обретали возможность получать европейское образование в русских городах. Это тоже порождало сопоставления, которые далеко не всегда были в пользу того, что виделось рядом.

Но что же так мучило и Чаадаева и Абая?

Блестяще образованный Чаадаев, которого называют первым русским философом, был сторонником русского западничества. В ранних своих размышлениях он высказывает мысль о том, что католическая Европа несравненно выше православной России – страны без чувства истории. Так, в первом «философическом письме», опубликованном в журнале «Телескоп» в 1836 г. (хотя и написанном несколько раньше) Чаадаев пишет, предвосхищая в чем-то и философию жизни и оригинальную историософскую концепцию Л.Н.Гумилева: «У каждого народа бывает период бурного волнения, страстного беспокойства, деятельности необдуманной и бесцельной. В это время люди становятся скитальцами в мире, физически и духовно. Народы мечутся тогда возбужденно, без видимой причины, но не без пользы для грядущих поколений. Через такой период прошли все общества. Ему обязаны они самыми яркими своими воспоминаниями, героическим элементом своей истории, своей поэзией, всеми наиболее сильными и плодотворными своими идеями: это необходимая основа всякого общества. Иначе в памяти народа не было бы ничего, чем они могли бы дорожить, что могли бы любить... Этот увлекательный фазис в истории народов есть их юность, эпоха, в которую их способности развиваются всего сильнее и память о которой составляет радость и поучение их зрелого возраста. У нас ничего этого нет... Сначала – дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого унаследовала наша национальная власть – такова печальная история нашей юности. Этого периода бурной деятельности, кипучей игры духовных сил народных у нас не было совсем...» [3, с. 35].

Русская культура, по Чаадаеву, – это культура, основанная на заимствовании и подражании и совершенно лишенная своего собственно внутреннего развития [1, с. 37]. «Мы, – с грустью добавлял Чаадаев, – принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок» [3, с. 37].

Но что же, согласно Чаадаеву, являет России пестрый мир Европы? – При всем своем разнообразии – это мир христианства, в мир, в котором индивиды пользуются своей долей общего духовного наследства. И это – не просто знания, Литература, а сам дух взаимного общения умов, идеи, овладевающие ребенком с колыбели. Каковы они? – «Это – идеи долга, справедливости, права, порядка. Они родились из самых событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран.

Это и составляет атмосферу Запада, это – больше, нежели история, больше, чем психология; это – физиология европейского человека. Чем вы замените это у нас?..

«... всем нам недостает известной уверенности, умственной методичности, логики... Наши лучшие умы страдают чем-то большим, нежели простая непоследовательность. Лучшие идеи за отсутствием связи или последовательности, замирают в нашем мозгу и превращаются в бесплодные призраки...» [3, с. 38].

Даже, отмечаемая, как достоинство, наша бесшабашная храбрость «делает нас всегда неспособными к углублению и настойчивости...» [3, с. 40].

И, что особенно важно по Чаадаеву, – это соотношение идей и интересов в Западном мире, столь резко противопоставляемом России: «Интересы всегда следовали там за идеями, а не предшествовали им; убеждения никогда не возникали там из интересов, а всегда рождались из убеждений. Все политические революции были там, в сущности, духовными революциями, люди искали истину и попутно нашли свободу и благосостояние» [3, с. 48].

Рассуждения Чаадаева наглядно демонстрируют то, что в духовной жизни история – это всегда в какой-то мере тень современности. По сути, у чаадаевской России нет достойной истории потому, что у нее нет достойного настоящего. С Чаадаевым не трудно спорить, что и делалось уже его современниками. Но при этом крайне важно почувствовать, что у него идеализированный в немалой мере Запад оказывался мощным прожектором, которым он высвечивал болевые точки российской реальности. Чуждый собственному народу, своей стране человек просто не смог бы с такой страстью говорить о том, в чем ему виделись слабости его Родины.

Последуем теперь за мыслью Абая, точнее даже не только за мыслью, но и за движениями его души, за его сердцем. В «Словах назидания», написанных уже человеком, немало перенесшим и повидавшим, мы встречаем постоянно повторяющиеся размышления о собственном народе, о том, что же ему мешает жить более достойно. Подобно тому, как Чаадаев сопоставляет Россию и Европу, Абай сравнивает казахов и другие народы, с которыми его соотечественникам приходится соприкасаться. Сравнивает и замечает, что у его собратьев нет поводов для кичливости и самолюбования. Так, татары, над которыми Абаю в детстве доводилось слышать немало насмешек, «и солдатчину переносят, и бедность выдерживают, и горе терпят, и Бога любят. Умеют татары трудиться в поте лица, знают, как нажить богатство и как жить в роскоши. Даже самых избранных наших богачей они выгоняют из дома: «Наш пол сверкает не для того, чтобы ты, казах, наследил на нем грязными сапогами! О русских же и говорить нечего. Мы не можем сравниться даже с их прислугой» [1, с. 9-10].

Серьезные беды казахского народа – от непонимания места образования и образованности в этом мире, от нежелания учиться. «Я, – с горечью пишет Абай в своем 25-м слове, – не видывал еще детей упорно и основательно овладевающих знаниями: у нас все делается поверхностно, урывками, на ходу...» [1, с. 67- 68].

К тому же, те, кому удастся разбогатеть, стараются дать своим детям образование на арабском и персидском языках, но, чтобы дети «служили своему народу, надо учить их родному языку». Кроме того, «нужно овладеть русским языком. У русского народа разум и богатство, развитая наука и высокая культура». Учась русскому языку, овладевая русской наукой, казахи могли бы «перенять все лучшие качества этого народа, ибо он раньше других разгадал тайны природы, и избежать его пороков. Знать русский язык – значит открыть глаза на мир» [1, с. 65-66].

Думается, что современным казахам нечего стыдиться былых укоров Абая своих соплеменников в необразованности и низкой культуре быта. Напротив, эти укоры особенно четко подчеркивают то, что было достигнуто за последние полтора столетия. Тяга же немалой части народа Абая ко все более высокому образованию, уважение к науке в наши дни очевидны. Но для Абая, как и для Чаадаева, проблемы их собственных народов отнюдь не сводились к малообразованности и недостаточной культуре в обиходной жизни – той культуре, которая включала бы не только манеры, воспитание, но и уровень обустроенности собственного бытия.

Центральными оказываются проблемы добра и зла, справедливости и беззакония. «Степь, – восклицает Кунанбаев, – заполнили воровство и подстрекательство... Под стать баламутам стоящие у власти. Им уже совсем легко натравливать людей друг на друга и, подобно вампирам, высасывать из них кровь. Они и занимаются этим без зазрения совести. От всей этой вакханалии томятся простые люди» [1, с. 65- 66].

«Кто сегодня из казахов достоин уважения и любви?» – задается вопросом поэт на закате своих дней. И сам же размышляет: Бии – нет. Они утратили и старые дедовские традиции. Суд их не дает настоящего решения насущных вопросов. «Не осталось и настоящих мурз – потомственных вельмож. Слово «мурза» в народе означает «щедрый». Так вот, теперь щедрых не найдешь, а кинешь камень и обязательно попадешь в мурзу, который только и умеет брать и давать взятки. Баи – утратили самостоятельность и не вполне властны даже над собственным богатством, ибо в бесконечной взаимной вражде они вынуждены опираться на джигитов, которым обязаны платить.

«Принято почитать сильных людей, но не стало среди них радеющих за добрые дела. А сильных в дурном хватало во все времена...

Хочется уважать умных, но не сыскать в степи благородных и совестливых. А на хитрость и коварство у людей всегда доставало ума. Разве достойны они человеческого внимания?...» [1, 57-59].

Столь же горькие слова из года в год повторяются и в стихах Абая:
Терпенье, совесть, гордость, – не в цене,
И к мудрости, и к чести люди глухи.
Не ищут знания – лишь в слепой возне,
Как шерсть прядут пустую ложь да слухи.

В том же, 1889 г., рождаются стихи, начинающиеся вопросом:
Где стойкий друг народа?
Исчезла верность слову.
Кто честен – нет им хода.
Коварство, сплетни, ковы...
Заслугам нет признанья.
Споткнулся – нет прощенья...

Над всем царит нажива,
Тщеславы нет предела.
Все в болтовне хвастливой себе находят дело.

Наглее враг лукавый,
Изменой друг изводит,
В догадках – кто же правый? –
Народ всю жизнь проводит.

Но честных и отважных
Узнает всякий сразу.
Лишь не узнать продажных
Пройдоху и пролазу [1, 40].

С продажностью, жадностью и тщеславием бок о бок идут лезть, дутая слава:
Гордецу похвалы рекой
Льет изменчивая толпа.
Мало проку в славе такой,
Коль глуха она и слепа.
Разве встретит мудрец привет
У того, кто чести лишен?
Там, где крохи совести нет,
Льстивый вздор лишь услышит он.
Ты, найдя правдивый народ,
Должен всем его предпочесть!.. [1, 55].

Процитированные строки роднят Абая и с днем сегодняшним, который принес нашим народам не только не мало достижений, но и множество проблем, и со всей мировой культурой и прежде всего с древней и средневековой китайской поэзией и с творческим знаменитого Яссауи.

Как и Чаадаев, Абай Кунанбаев побуждает нас пристальнее вглядываться и в мировой опыт, и в самих себя. Так, вправе ли мы нынешние высокомерно смотреть на прошлое собственных народов, не задумываясь над тем, кто же мы сами, нет ли и у нашего сегодняшнего общества тех же бед, тех же пороков, которые так тревожили и русского философа и казахского поэта?

Побуждают они всерьез задуматься и над тем как, чему и у кого нам учиться и главное: для чего?

– Для того, чтобы достичь лишь вершин собственного благополучия, так скользких и ненадежных. Или для чего- то большего?

Не менее значим и очень современен и вопрос: как относиться к своему отечеству и народу? Как избежать национального чванства, и, в то же время, не бояться всматриваться в недостатки собственной страны и при этом бичевать пороки не для красного словца, не для самовозвеличения, а с чувством сопричастности и к своей земле, и к своему народу?

И для Чаадаева, и для Абая вопросы эти были не умозрительными, а проходящими сквозь сердца. Не дававшими покоя. И являлись они не вопросами постороннего, а размышлениями тех, кто был плоть от плоти своего народа. И в этом их особая ценность, и особая поучительность для нас сегодняшних

Литература

1. Абай. Слова назидания. Пер. с казахского С.Санбаева. – Алма-Ата: Жалын, 1982., С. 9 -10.
2. Тарасов Б.Н. Цена веков. – В кн. Цена веков. П.Я.Чаадаев. – М.: , 1991г.
3. Чаадаев П.Я. Философические письма. – В кн. Цена веков.

Абсадыков Алмасбек Ахметович,
д. филол.н., профессор кафедры казахской филологии,

Ералина Акмарал Ериковна,
*ст. преп. кафедры истории Казахстана,
Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова,
г. Костанай, Казахстан
e-mail: eralina71@mail.ru*

УДК 398(574.21)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА КАЗАХОВ ТОБОЛО-ТОРГАЙСКОГО РЕГИОНА

THE HISTORY OF RESEARCH OF KAZAKHS' FOLKLORE IN TOBOL-TURGAI REGION

Аннотация. В статье рассматриваются история изучения фольклора казахского народа, проживающих в Тоболо-Торгайском регионе. Исследователи Российской империи изучали этнографию казахов для дальнейшего проникновения в край и колонизации региона. Особенность фольклора казахов региона нашло отражение в исследованиях XIX- начала XX вв.

Ключевые слова: этнография, фольклор, национальная культура, специфика фольклора региона, эпос.

Annotation. The article discusses the history of the research of folklore of Kazakh people living in the Tobol-Torgay region. The researchers have studied the ethnography of the Russian Empire for the further penetration and the colonization of the Kazakhs in the region. The peculiarity of the Kazakh folklore of this region is reflected in the researches of the XIX - early XXth centuries.

Keywords: ethnography, folklore, national culture, the specificity of the region's folklore, epic.

Процессы активной суверенизации и становления независимого Казахстана сопровождается значительным подъемом общественного интереса к богатому историческому прошлому казахского народа. В современную эпоху общество целенаправленно стремится заново осмыслить главные вехи пройденного длительного исторического пути и определить свое принципиально новое место в современной социальной действительности. Сама древность происхождения казахского этноса, его нелегкая историческая судьба, специфическая национальная культура – все это является объектом заинтересованного внимания со стороны исследователей с незапамятных времен.

Восстановление исторической памяти, возрождение духовности выдвинули на передний план проблему бережного сохранения этнонациональных особенностей казахского народа. Ее высокая востребованность определяется реалиями исторического прогресса, необходимостью укрепления межнационального согласия, поиска эффективных путей развития нашего общества, разрешения комплекса вопросов, вызванных так называемым «этническим парадоксом современности».

В XIX веке Казахстан все еще оставалась малоисследованным европейскими учеными регионом, хотя столетием ранее интерес к разностороннему изучению казахского народа был проявлен. Следует отметить, что он продиктован был, главным образом, политическими мотивами утверждения российского присутствия в казахской степи.

В изучении Тоболо-Торгайского региона плодотворную деятельность в XIX веке проявил военный инженер И.Г.Андреев. Андреев «пристально изучал купцов, чиновников, путешественников, бывавших в казахской степи, жизнь и язык казахского народа, часто посещал казахские аулы, беседовал со стариками и известными людьми, записывал сообщения купцов, чиновников, путешественников, бывавших в казахской